

А.Л. МЯСНИКОВ

Пульс России

**Переломные моменты истории страны
глазами кремлевского врача**

ЭКСМО

Москва
2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)
М 99

Мясников, Александр Леонидович.

М 99 Пульс России : переломные моменты истории страны глазами кремлевского врача / А.Л. Мясников. — Москва : Эксмо, 2014. — 496 с.

ISBN 978-5-699-75726-8

«...Трамваи не ходили... Свет давали скудно. Магазины были заключены... И все же жизнь продолжалась: спорили, заседали, учились, ходили в театр и на концерты. И я помню, в воздухе было что-то такое захватывающее, героическое, как будто стучала поступь истории».

Прочтите эту книгу, и вы сможете увидеть как наяву переломные моменты истории страны глазами знаменитейшего советского врача, лауреата международной премии «Золотой стетоскоп» А.Л. Мясникова. Эта рукопись писалась не для публикации и была запрещена к печати. Более 45 лет она хранилась в секретных архивах — ведь отечественную историю XX века отразил свидетель и непосредственный участник тех судьбоносных для страны событий.

Доктор Мясников, внук и полный тезка академика Мясникова, написал предисловие к книге и приоткрыл завесу над другой, личной жизнью своего знаменитого деда-академика, в которой он сам принимал участие. Почувствуйте вкус времени!

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-699-75726-8

© Мясников А. Л., наследники, 2011
© Мясников А. Л., текст, 2014
© Тихонов М. В., фото, 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Оглавление

Предисловие	4
1. Детство. Красный Холм	14
2. Гимназия. Кавказ. Война	48
3. Московский университет. Революция	84
4. Клиника Ланга. Ленинград	124
5. Жизнь в Новосибирске	159
6. Великая Отечественная война	193
7. Окончание войны. Переезд из Ленинграда в Москву	225
8. Жизнь в Москве	264
9. Общественные события. Смерть Сталина	296
10. Приезды и отъезды	344

Предисловие

Я с детства жил под рефреном: «Ты полный тезка своего знаменитого дедушки! Ты должен соответствовать такому имени!»

А я тогда не хотел никому соответствовать, я хотел кататься на велосипеде, ловить рыбу и собирать грибы! И дед был для меня не гений-академик, а просто мой любимый, огромный дед, добродушный и всегда улыбающийся! И хотел я сравниться с ним не в интеллекте (я тогда толком и не понимал величия моего деда), а в умении собирать грибы!

Дед делал это фантастически! Его природный артистизм сказывался и здесь! Он уходил в самый безнадежный лес, никогда с корзиной (свободный художник, а не заготовитель!), каким-то особым чутьем находил места и возвращался с охапкой отборных боровиков! Никогда я не видел его таким счастливым, даже после окончания очередной блестящей книги!

Писал он их своим бисерным почерком на даче, на втором этаже, сидя в вольтеровском кресле, у него была строгая норма: 10 страниц в день (как я хорошо теперь понимаю, насколько это непросто!). Я же — мелкий недоумок — тихонько поднимался по лестнице и обстреливал его зеленой бузиной, как южноамериканский индеец, выдувая ее из срезанного полого стебля какого-то папоротниковидного растения, которое и по сей день в изобилии растет в Подмосковье.

С классической литературой я познакомился задолго до того, как научился читать. Перед сном дед обязательно ложился ко мне и долго (бабушка периодически кричала: «Алик, уже оставь ребенка в покое!») рассказывал увлекательные истории! Позже, раскрыв книги, я узнавал и Робинзона Круза и Гулливера и Капитана Блада... А как-то, пойдя за грибами, мы несколько часов просидели на полянке: дед мне рассказывал истории Нового Завета, где Христос предстал передо мной совершенно живым человеком! (Дед умер за год до публикации бессмертной книги «Мастер и Маргарита», с ее пронзительным описанием последнего дня Христа!).

С ним я вообще не чувствовал нашу разницу в возрасте, недаром бабушка всегда говорила деду, что он большой ребенок! Однажды дед, вероятно, рассорился со всеми, и мы уехали встречать Новый год на дачу вдвоем! Это было удивительно. Я к тому времени воспринимал этот замечательный праздник как многолюдное веселье, а тут только он

и я, 60 лет и 9! Мы сидели около елки и долго, за полночь, увлеченно о чем-то разговаривали! Сейчас думаю: каким надо было обладать интеллектом, какой широтой души и тонкостью восприятия, чтобы, не притворяясь (ребенка не обманешь!), проговорить новогоднюю ночь со внуком!

А картины! Как он их любил и знал! Все стены его большой квартиры на Новослободской с 4,5-метровыми потолками были увешаны живописью. Периодически приходили какие-то люди, и дед со специальной лампой в руках водил их по комнатам, показывая свою коллекцию — одну из лучших в Москве в те годы. Принося новинки, он с гордостью показывал их всем домашним и всерьез огорчался, когда мы их иногда критиковали! У меня в кабинете до сих пор висит портрет деда, написанный А. Зверевым. Чуть было не написал: принадлежащий кисти А. Зверева! Я был свидетелем, как он создавался. Не было там никакой кисти! Полотно лежало на диване, а Зверев, сегодня великий, а тогда нищий и безызвестный (ничего не меняется в истории искусств!), выдавливал краски из тюбиков прямо на полотно и ваткой размазывал их по холсту! Из более ранних воспоминаний: высокая температура, кровать у стены, я — совсем мелкий — карандашом разрисовываю отполированную штукатурку стен, подражая картинам, на них висящим! Дед тогда похвалил мою манеру письма, а от бабушки сильно влетело!!! Дед был тонкий знаток живописи. Сильно позже я услышал от очевидцев такую историю:

Как-то он был приглашен к очень известному английскому профессору — по «совместительству» еще и барону! — в замок. Хозяин встретил, и они прошли по длинной галерее, увешанной картинами, увлеченно при этом разговаривая на темы медицины. Позже он спросил деда:

«Я слышал, вы любите живопись? Мы ведь прошли по галерее, где у меня довольно неплохая коллекция англий-

ских авторов, а вы даже не взглянули!» Дед невозмутимо ответил:

«Почему же, просто мне было неудобно прерывать наш разговор! У вас там действительно есть и прерафаэлиты, и Лоуренс, довольно редкий Гейнсборо и два отличных Констебля!»

Но не менее увлеченно он любил все красивое: музыку, цветы, женщин! Это потом я стал слышать: у твоего деда были самые красивые сотрудницы! До сих пор уверяют, что окончательное решение о приеме в свою команду он принимал в момент, когда после собеседования соискательница вставала и шла к двери! Тогда же я неоднократно был свидетелем, как, сидя в машине, он увлеченно говорил жене: «Инна, посмотри, какая красивая девушка!» Это теперь я понимаю: ну дед, ну ты как маленький, а еще академик!

Иногда это ему аукивалось: жена (а мне бабушка), стоя посреди столовой, методично била о пол фарфоровые тарелки одну за другой, а он ходил вокруг, разводил руками и виновато говорил: «Ну Инна, ну что ты, ну хватит!»

Но все эти размолвки длились не долго — на деда нельзя было всерьез долго сердиться! Хотя поводы для ревности, наверно, бывали: мне достаточно вспомнить как вспыхивали глаза у почтенных женщин-профессоров, когда они только начинали вспоминать: «Вот когда твой дедушка читал нам лекции!..»

Я слушал эти его лекции в записи, даже пластинка тогда была выпущена! Так свободно и доступно все объяснить, увлекаться, шутить! «Он стремительно входил в аудиторию в распахнутом халате, под которым был видны безукоризненный костюм и белоснежная рубашка, и спрашивал: Так, какая у нас сегодня тема лекции?!» (Из воспоминаний АСБронштейна «Шоссе Энтузиаста»). Его им-

провизации на клинических разборах вошли в легенду, на них приезжали врачи со всей Москвы!

Вообще меня не перестает до сих пор удивлять, КАК по сей день вспоминают деда! Как большого ученого-да, конечно! Как выдающегося врача — да, конечно! Но это как уважительный кивок в сторону парадного портрета. Но никто не остается равнодушным, вспоминая его как человека! Представляете — те, кто его знал и общался, любят его по сей день, спустя почти 50 лет! Какое же он произвел на них светлое впечатление в дни их юности!!!

Его воспоминания очень долго не публиковали (недавно говорят, что мемуары не надо публиковать, пока люди, в них упомянутые, еще живы!). А я впервые прочитал их еще в детстве, уже, правда, после дедушкиной смерти... Я до сих пор представляю Красный Холм (его родной городок в Тверской губернии) таким, как я его тогда увидел на страницах воспоминаний. Я был там лишь однажды, в глубоком детстве, и никогда больше. Отчасти и потому, что не хочу разрушать тот чудесный образ, созданный моим воображением, когда я читал проникнутые такой любовью к этим местам строки. Я влюблен с среднерусскую природу, я хорошо знаю подобные городки. И я представляю, что где-то есть дедушкин городок, где торговые ряды до сих пор торгуют квасом, калачами и медом, а не китайским ширпотребом, где до сих пор звонят колокола и по воскресеньям все идут в церковь, и белый-белый снег, и сани, и запах сена, и не было ста лет войн, революций, разрушений и восстановлений (последствия часто сопоставимы!). Хорошо понимаю Шагала: приехав перед смертью в СССР, он так и не решился посетить родной Витебск...

Недавно я вновь открыл для себя мою когда-то любимую Грузию. Много лет мои пути туда никак не пролегли. А тут политика, взаимное охлаждение и даже война! Я полетел с друзьями в Тбилиси — и сразу как толчок в сердце:

как я так много лет мог жить без этого города?! Какое там охлаждение, какое отчуждение?! Красивый (ох, какой он стал красивый!), гостеприимный город, где и русским, и украинцам, и казахам — всем, кто с открытым сердцем и душой — всем рады! И сколько же великих людей самых разных национальностей вырастил этот город! Жил там и мой дед: первые осмысленные друзья, первая юношеская любовь! Его гимназия и сейчас красивое здание на Руставели. Я зашел туда с сыном. Был воскресный день, к нам вышел кто-то из учителей и повел показывать гимназию... Пустые коридоры, гулкие шаги (воскресенье!), так и представлял, что вот по этим коридорам бегали Н. Гумилев и чуть позже мой дед... Потом увидел стенд с фотографиями недавних событий и понял, что воображение мое убежало слишком далеко: не осталось здесь ни тех стен, ни тех лестниц. Все было сметено артиллерийским огнем в очередную революцию, остался только фасад. Потом гимназию восстановили (помогала в этом и Москва!), висят памятные доски с именами достойных и всемирно известных учеников. Один из них написал: «та страна, что могла стать раем, стала логовищем огня...» Мы вообще умнеть, учиться будем? Я имею в виду людей вообще! «Во время авианалета самолетов НАТО на Белград разбомблено китайское посольство», «российские танки вышли к Гори», «С украинской стороны несколько снарядов залетело на нашу территорию», «США ввели дополнительный воинский контингент в Прибалтику, что бы укрепить эти страны перед лицом возможной российской агрессии», — это не бред отравленного мухоморами, это наши новости! Ну хоть гимназию восстановили...

Дед достаточно критично относился к Советской власти, все время ворчал про «бездарных партийных бонз».

Особенно его раздражал Хрущев — я хоть и маленький был, но помню, как он злился, показывая из окна маши-

ны на его портреты — «мелочный, ограниченный, завистливый»...

У моего дедушки-академика был родной брат (для меня «дядя Левик»), тоже академик, но не по медицине, а по физике. Он жил и работал в Ленинграде и когда приезжал по делам в столицу, приходил в гости. В один из таких приездов мы были на даче и сидели за чаем на террасе. Вернее они сидели, а я ковырял что-то в земле рядом (было мне лет семь) жуков каких-то искал! С террасы доносилась беседа братьев-академиков, и вдруг я услышал фразу: «А я уже стал было Ленина оправдывать». Меня как пружиной подбросило! Я взбежал на террасу и закричал (очень хорошо это помню!): «Да как вы можете так говорить! Кто вы такие, чтобы Ленина осуждать или оправдывать?! Ленин — вождь, и вы его осуждать вообще не имеете права!» И, не дожидаясь ответа или реакции, удалился с террасы!

Что-то похожее повторилось и чуть позже: мы ехали с дачи, а в то время на въезде с Волоколамки на Канале имени Москвы над автомобильным тоннелем красовалась выложенная камнем надпись: «Слава КПСС!» Дед сказал: «Это как если бы я написал сам себе: «Слава Мясникову!» Тут я не вытерпел: «Ты — сам по себе, ну — академик, и что? А здесь — партия, множество людей, которые строят коммунизм! Как можно не понимать такие простые вещи!»

Про Сталина разговаривать, видимо, было у нас в семье не очень принято, во всяком случае я это не помню. Какая-то атмосфера осуждения была — видимо, для моего свободолюбивого деда с барскими замашками сама идея диктатуры была неприемлема. Однако, когда недавно посетив в Гори музей Сталина, я увидел перед входом в залы одну цитату, я сразу ее узнал!

«Люди смертны. Умру и я. Каков будет суд истории и народа? Были ошибки. Но ведь были и достижения!»

В ошибках, естественно, обвинят меня! Много мусора нанесут на мою могилу, но настанет время, и ветер Истории сметет ее!»

Эти слова И. В. Сталина я уже слышал когда-то от деда... Вот Его «мелочным» он бы никогда не обозвал!

Как-то на уроке литературы нам задали приготовить домашнее сочинение на основе какого-то эпизода из военного прошлого наших родственников — такие были тогда у всех (конечно, помните у Высоцкого: «Если Родина в опасности — значит всем идти на фронт!»). Я, конечно, побежал «трясти» деда, я же видел его фотографии в форме морского офицера! Он стал рассказывать про поездки по кораблям, про госпитали. «Это не то, перебил я его, — расскажи какой-нибудь эпизод, где ты жизнью рисковал!» Дед терпеливо рассказал про бомбежки, как взрывной волной выбросило в воду, но мне же мало! Не то: где атаки, где стрельба, где тараны?! Я испытал огромное разочарование, когда узнал, что дед никого не застрелил, не потопил ни один корабль и даже из пушки сам не стрелял! Так тогда домашнее задание я и не написал, было стыдно за такого «небоевого» деда. И как теперь я горжусь его спокойным мужеством, которое сквозит из всех его строк, посвященных той Великой Войне!

Институт терапии, который дед создал, я застал тогда, когда он уже переехал в Петроверигский переулок в Москве. (Знаменательно, что там рядом когда-то был дом Боткина.) Там и сейчас стоит памятник деду — бюст работы скульптора Оленина. Самому деду этот бюст никогда не нравился — «слишком монументальный!». На монумент и пошел... У меня с этим местом связано многое: детство, когда я постоянно крутился в кабинете деде, потом и отца. В том же кабинете, превращенном в палату, отец и умер от рака почки. Это здание точно войдет, да уже вошло, в историю медицины. Там родилась и развивалась

одна из самых передовых тогда школ медицины, лучшая, по признанию мирового кардиологического сообщества! Ведь именно деду тогда, а значит, и его сотрудникам и ученикам, была присуждена самая престижная в кардиологии премия «Золотой стетоскоп»! Тогда за его труд в области атеросклероза он был представлен на Ленинскую премию, но по каким-то политическим мотивам и закулисным действиям (беспартийный, независимый, ершистый, гордый — недругов тоже хватало!) премию не дали. Это было очевидно несправедливо, получили же ее авторы значительно более слабых работ! Дед виду не подавал, но я-то знал, что он переживает! И вот после этого — решение Международного общества кардиологов: присудить ЗОЛОТОЙ СТЕТОСКОП ему вместе с такими легендами кардиологии как американец Поль Уайт и француз Камил Лиан! Пришло множество поздравительных телеграмм, дед вынул одну из кучи и показал мне. Там было всего два слова: «Справедливость восторжествовала!»

А потом было 19 ноября 1965 года. Пятница, это день, когда меня на выходные отдавали деду. Мы с мамой вошли в подъезд, а консьерж нам и говорит: Александр Леонидович умер, вот только «Скорая» уехала...» Помню, как в лифте, глядя в побелевшее, окаменевшее лицо матери, я робко сказал: «Может, еще не умер, может, только ранен?» (Дети ведь болезни себе как-то не очень представляют!). Обширный инфаркт. Говорят, когда он впервые почувствовал неладное, его пытались уложить в больницу. Он наотрез отказался — он, почти Бог в медицине и сам на койке? С уткой?? Ну нет! Хотели зайти по-другому: на обходе показали ему его же кардиограмму — как бы проконсультироваться, что нам делать. «Как что? — сказал дед, только взглянув, — тут прединфарктное состояние, срочно госпитализироваться!» Узнав, что это его пленка, очень сердился и говорил, что нельзя всех мерить одной меркой... И в несчастное для

него утро встретился с каким-то коллекционером, опознал в предлагаемой картине подделку, разволновался и упал сразу, как тот ушел... Ровно за три месяца до этого мы справили его 66-летие. На столе поставили табличку 66. Потом перевернули — 99! Не получилось...

Я не пошел на похороны — мама решила, что я не выдержу. Я написал ему записку, которая и сейчас с ним. «Я тебя никогда не забуду» — было написано там...

Почитайте эти воспоминания. Они не были написаны для публикации, иногда текст перегружен фамилиями, иногда перепрыгивает через события. Однако вы почувствуете вкус времени, увидите, что любовь, верность, патриотизм, пытливость ума — это всегда было свойственно людям, а раз так — то никто этого и отнять не сможет! Давайте будем оптимистами, как мой замечательный дед, давайте уважать нашу историю — тогда и будут уважать нас самих!

Ваш доктор Мясников

1 ДЕТСТВО. КРАСНЫЙ ХОЛМ

Родился я 6 сентября старого стиля 1899 года, следовательно, все-таки в прошлом столетии (не потому ли сохранились во мне на протяжении жизни некоторые понятия и вкусы прошлого века?) в городе Красный Холм Тверской губернии.

Мой отец, доктор Леонид Александрович Мясников, был, как все знавшие его считали, человек выдающийся по своим интеллектуальным качествам и личному обаянию. Он родился в том же городе в 1859 году в довольно зажиточной купеческой семье.

Его отец, мой дед, Александр Иванович, торговал не столь успешно «красным» товаром (ткани, галантерея); его обворовывали приказчики; сам он был человеком добродушным и весьма религиозным — все годы был церковным старостой, построил на свои деньги богадельню, возвел новый собор около кладбища. Я не застал деда в живых, но в детстве слышал, что он оставил о себе хорошую память.

Мать отца, моя бабушка Анастасия Сергеевна, из мещан того же города, была энергичной и умной женщиной. После смерти мужа она жила одна и умерла уже после революции, в 1920 году (85 лет от роду, во сне, при жизни «ничем не болела»). Была она проста, приветлива, но, говорили, немного скуповата. Впрочем, мне она на

праздники и на именины всегда делала прекрасные подарки (как и другим внукам и внучкам).

У родителей моего отца были еще дети: двое сыновей и одна дочь. Всем детям родители предоставили возможность получить широкое образование по их выбору. Не было обычного для тогдашней жизни нажима задерживать детей дома, поставить за прилавок для продолжения «дела». Решающее значение при этом имела судьба старшего сына — моего отца. В 1873 году он отправился учиться в Москву, во Вторую гимназию (это был первый в истории горожан Красного Холма случай; до тех пор отправлялись в гимназию только дети дворян, помещиков). Учился отец весьма хорошо. На каникулы приезжал домой, привозил с собою колбы и реторты для занятий химией и ворох книг — Гёте, Гейне, Байрона, Шекспира, Писарева, Добролюбова; он собирал молодежь и взрослых и читал им их, а по вечерам любители разыгрывали спектакли — «Разбойники» Шиллера, «Гроза» Островского... В 1881 году Леонид Александрович поступил в Московский университет на медицинский факультет.

По примеру старшего поступили в дальнейшем и младшие дети: Александр Александрович Мясников окончил юридический факультет Петербургского университета, числился помощником присяжного поверенного, но дел не вел; вскоре он стал проявлять признаки душевного заболевания и поселился у матери в Красном Холме. Я застал этого «дядю Амбара» — так прозвали его мальчишки за высокий рост. Это был добрейшей души человек, принимавший к сердцу жестокости (хотя лично его и не касавшиеся) купеческого и мещанского уклада жизни городка и объявивший «им» (то есть различным лавочникам) войну, хотя никто, конечно, на «сумасшедшего» не нападал (он строил на чердаке своего дома батареи из пустых бутылок для «обороны», пускал какие-то «лучи» для наказания, по его, как юриста,